

«Демократия!» и другие актуальные произведения

К горбачевской попытке либерализовать советский режим Бродский отнесся скептически. Он весьма пронизательно увидел в этом не мирную демократическую революцию, как хотелось воспринимать происходящее многим из его друзей и знакомых, а мутацию привычной для России формы правления – бюрократический имперский левиафан приспособившийся к новым условиям существования в меняющемся мире. Тогда же, в конце восьмидесятых, он начал работать над одноактной пьесой «Демократия!»⁵³⁷ (завершена в 1990 году), а в 1992-м написал и второй акт, откликаясь на развитие событий в бывшем СССР. Никогда раньше (и никогда позже) Бродский не работал в жанре прямой политической сатиры. Даже в непосредственном отклике на подавление реформ в Чехословакии, «Письме генералу Z.» (1968, КПЭ), написанном в форме монолога от лица усталого и отчаявшегося солдата империи, сатирическое слито с лирическим. Но «Демократия!» – беспримесная сатира, политическая карикатура. Так же, как в ранних вещах с элементами политической аллегории – «Anno Domini» (1968, ОВП) и «Post aetatem nostram» (1970, КПЭ), — действие происходит не в метрополии, а в одной из имперских провинций. Только в «Anno Domini» и в «Post aetatem nostram» империя условна, а в «Демократии!» – это Советский Союз, в то время как провинция – некая усредненная прибалтийская республика⁵³⁸.

Бродский был равнодушен к театру. В нобелевские дни приглашенный на встречу с работниками прославленного Стокгольмского драматического театра, он для начала доверительно сказал собравшимся актерам и режиссерам: «Ведь пьесы гораздо интереснее читать, чем смотреть, не правда ли?»⁵³⁹ «Демократия!» так же, как философские пьесы «Мрамор» (1984)⁵⁴⁰ и «Дерево» (1965?; не опубликовано)⁵⁴¹, – это пьеса для чтения. Драматического действия, интриги в ней нет. В ней есть фарсовые потасовки, но в основном четверка собравшихся за столом правителей провинции (во втором акте – уже независимой страны) занимается тем, ради чего в представлении живущих впроголодь масс и стоит стремиться к власти – они вкусно и обильно едят. Они также пьют, курят гаванские сигары, мужчины вождедеют к сексапильной секретарше Матильде. Четверка ведет разговоры, с опаской поглядывая на бессловесного персонажа, чучело медведя. В первом акте медведь является наблюдающим устройством для передачи информации в метрополию, во втором – еще и роботом-корреспондентом всемирной телевизионной сети CNN. Смысл сатиры прост: какие бы реформы, «революции сверху» ни проводила власть, все остается по-прежнему – чиновная верхушка пользуется всеми благами, держа население в повиновении и страхе.

Но есть в сатире Бродского еще два мотива, отражающих своеобразие его скептической

536 Тюрин А. «Эстетика – мать этики». Интервью с Иосифом Бродским // Новое русское слово. 1994. 6 дек. С. 45.

537 СИБ-2. Т. 7.

538 В свое время «Anno Domini» тоже можно было прочесть как перенос в область воображения впечатлений от поездки в прибалтийскую советскую республику, Литву (см. Венцлова 1998).

539 Ср.: «Я вообще не хожу в театр. Я читаю пьесы – это доставляет мне удовольствие. Смотреть пьесы – невыносимо, очень уж в них все „понарошку“. Не могу делать над собой усилие, чтобы заставить себя поверить в то, что происходит на сцене» (Интервью 2000. С. 332).

540 СИБ-2. Т. 7.

541 РНБ. Ед. хр. 63. Л. 139-155.

политической философии: Бродский не считает демократию и национальную независимость абсолютными ценностями. Примерно тогда же, когда писался первый акт пьесы, он говорил интервьюеру: «Представим себе, что [в России] воцарится демократический строй. Но в конце концов демократический строй выразится в той или иной степени социального неравенства. То есть общество никогда, ни при какой погоде счастливым быть не может – слишком много в нем разных индивидуумов. Но дело не только в этом, не только в их натуральных ресурсах и т. д. Я думаю, что счастливой экономики не существует...»⁵⁴² Мысль о том, что никакие социальные реформы не улучшат условия человеческого существования, что только индивидуальная «революция в мозгу» может это сделать, за неимением в пьесе положительных персонажей отражена в пререканиях министров: «История здесь происходит! В мозгу!» (Правда эта, несомненно, авторская, а мысль предварительно травестирована: «Мы ж – мозг государства!»⁵⁴³) Без «революции в мозгу» модус свободы, предоставленной народу, поведет только к озверению. Во втором акте Бродский деметафоризирует метафору «озверения». Представитель трудящихся масс в пьесе, секретарша Матильда, буквально озверевает – начинает превращаться в зверя, самку леопарда: «Когда кончается история, начинается зоология. У нас уже демократия, а я еще молода. Следовательно, мое будущее – природа. Точней – джунгли. В джунглях выживает либо сильнейший, либо – с лучшей мимикрией. Леопард – идеальная комбинация того и другого»⁵⁴⁴.

Не менее скептически относится Бродский и к отождествлению благоденствия с национальной независимостью, национальной государственностью. Глава государства Базиль Модестович говорит: «Всегда лучше, если угнетатель—<...> чужеземец. Лучше проклинать чужеземца, чем соотечественника. На этом все империи держатся. Вспомним цезарей, в худшем случае Сталина. Своего рода психотерапия. Здоровей ненавидеть чужого, чем своего»⁵⁴⁵. Бродский считал нормальным, что Литва, где у него было много друзей, Латвия, Эстония и другие бывшие советские республики стали самостоятельными государствами, он просто предупреждал, что само по себе это не может никого осчастливить. Доморощенная тирания может оказаться еще хуже имперской.

Впрочем, индифферентным отношение Бродского к распаду советской империи можно назвать только с одной существенной оговоркой. Даже люди, хорошо его знавшие, были удивлены тем, как сильно его огорчило отделение Украины от России. Стало очевидно, что Прибалтика, Средняя Азия, Кавказ были в его сознании *иными* странами, а пространство от Белого до Черного моря, от Волги и до Буга – единой родной страной. В таком восприятии родины Бродский был не одинок. «Имперское... сознание было присуще жителям Полтавы и Житомира, Нежина, Чернигова, Гомеля и Полоцка не менее, чем тверякам и вятичам. Ведь с начала империи, то есть от петровских времен, это сознание относило Украину и Белоруссию к метрополии. Да и могло ли быть иначе у людей, вынесших из гимназий и школ: „Киев – мать городов русских“»⁵⁴⁶. Мы не будем касаться здесь убедительных, на наш взгляд, исторических, лингвистических, антропологических и этнографических доводов в пользу того, что русские, украинцы и белорусы – три разных народа. Это так, но это не устраняет

542 *Интервью 2000*. С. 486.

543 *СИБ-2*. Т. 7. С. 292.

544 Там же. С. 327. «Когда кончается история...» – продолжение темы, начатой в предшествующей сцене. Персонажи откликаются на нашумевшее эссе американского политолога Фрэнсиса Фукуямы «Конец истории», в котором провозглашалось глобальное торжество либеральной демократии (впервые опубликовано в летнем выпуске журнала «National Interest» в 1989 г.).

545 Там же. С. 298.

546 *Горянин А.* Дай руку брату своему! Два письма русскому интеллигенту об Украине // *Русская мысль*. 1996. 8–14 февр. С. 9.

драму распада культурно-исторического единства, остро пережитую Бродским. С Украиной связан единственный в его жизни случай автоцензуры.

28 февраля 1994 года Бродский выступал с чтением стихов в нью-йоркском Куинс Колледже, где когда-то, в начале своей американской жизни, короткое время преподавал. Аудитория была главным образом англоязычная, и читал он почти все по-английски. Судя по сохранившейся аудиозаписи, только четыре стихотворения были прочитаны по-русски. Роясь в бумагах в поисках одного из них, Бродский говорит: «Сейчас найду стихотворение, которое мне нравится... – и прибавляет, как бы обращаясь к самому себе: – ...я рискну, впрочем, сделать это...» Это рискованное стихотворение было «На независимость Украины» (1992, *СНВВС*). В первом чтении оно действительно может произвести шокирующее впечатление. Длинная инвектива обращена к украинцам, в ней много грубостей и оскорбительных этнических стереотипов. Свойственная вообще Бродскому стилистическая гетерогенность здесь повышена – Бродский использует полный набор клишированных украинизмов, перемешивая их со словами и выражениями из воровского арга. Таким образом усиливается ощущение незаконности, криминальности отделения Украины от России.

Скажем им, звонкой матерью паузы метя, строго:
скатертью вам, хохлы, и рушником дорога.
Ступайте от нас в жупане, не говоря в мундире,
по адресу на три буквы, на все четыре
стороны...

Прощевайте, хохлы! Пожили вместе, хватит.
Плюнуть, что ли, в Днипро: может, он вспять покатит,
брезгуя гордо нами, как скорый, битком набитый
отвернутыми углами и вековой обидой⁵⁴⁷.

Стихотворение начинается обращением к шведскому королю Карлу XII: «Дорогой Карл Двенадцатый, сражение под Полтавой, / слава Богу, проиграно...» Карл XII проиграл Полтавскую битву 27 июня 1709 года, что имело огромные последствия для России и Европы, но начальные строки Бродского двусмысленны. Из дальнейшего текста явствует, что в конечном счете, без малого триста лет спустя, поражение потерпела все-таки Россия. Известны слова Вольтера: «Что всего важнее в этой битве, это то, что из всех битв, когда-либо обагривших землю кровью, она была единственной, которая, вместо того чтобы произвести только разрушения, послужила к счастью человечества, так как она дала царю возможность свободно просвещать столь большую часть света»⁵⁴⁸. Из этой идеологической позиции исходил и Пушкин в «Полтаве». Поэтому стихотворение Бродского заканчивается предостережением о духовной смерти для тех, кто решил отколоться от «просвещенной части света», культурного материка, заложенного Петром и далее культивированного российскими (а не русскими или украинскими) поэтами и писателями – от Пушкина и Гоголя до Бабеля и Булгакова.

С Богом, орлы-казаки, гетманы, вертухаи.
Только когда придет и вам помирать, бугаи,
будете вы хрипеть, царапая край матраса,
строчки из Александра, а не брехню Тараса.

В литературной практике Бродского это был единственный случай, когда он решил не

547 «Отвернутые углы» (арго) – украденные чемоданы.

548 Цит. по кн.: *Измайлов Н. В.* Очерки творчества Пушкина. Л.: Наука, 1975. С. 25.

печатать стихотворение не потому, что остался им недоволен, а из соображений политических, так как не хотел, чтобы стихотворение было понято как выражение шовинистических великодержавных настроений⁵⁴⁹. Он понял, что украинцы с обидой и, что еще хуже, кое-кто в России со злорадством прочтут резкие обвинительные строки, но не заметят того, что побудило его написать стихотворение – «печаль... по поводу этого раскола» («sadness [...] on behalf of that split»), – как он сказал, прочитав «На независимость Украины» в Куинс Колледже. Между тем об этой печали говорится прямо в тексте стихотворения. Его эмоциональная шкала включает в себя не только иронию, гнев и обиду, но и глубокую печаль:

Как-нибудь перебежусь. А что до слезы из глаза,
нет на неё указа ждать до другого раза.

Мы помним, что Украину, а именно Галицию, Бродский ощущал своей исторической родиной (см. главу I).

Третий после «Демократии!» и украинского стихотворения текст, непосредственно откликающийся на события в бывшем СССР, – это «Подражание Горацию» (ПСН). Правильнее было бы назвать это стихотворение «Вопреки Горацию». Гораций в оде «К Республике» предупреждает «корабль государства» об ужасных опасностях плавания, призывает к осторожности. Бродский, ровным счетом наоборот, призывает ринуться в неизвестность: «Лети, кораблик!» – лейтмотив стихотворения. «Не бойся» – повторяется дважды. Это – веселое стихотворение. Развернуть классическую метафору Горация можно было по-разному, Бродский избрал лихой, бесшабашный тон. Стихотворение звучит лихо и весело, потому что в нем повышенная концентрация экстравагантных, по существу, игровых приемов. В половине строк рифмы все или частично ассонансные, в том числе в первой:

Лети по воле волн, кораблик.
Твой парус похож на помятый рублик.
Из трюма доносится визг республик.
Скрипят борта.

Благодаря укороченной четвертой строке каждого четверостишия стихотворение кажется стремительным. Автору как бы некогда подыскать слово, и он затыкает рифму неграмотным «еённый», некогда задуматься над отсутствием смысла в параномастическом сближении «не отличай *горизонт* от *горя*» или засомневаться в качестве каламбура

549 Уже после смерти поэта неумелая транскрипция текста с аудиозаписи была опубликована в Киеве в газете «Столиця» (1996. № 13. Сент.). Публикацию сопровождала стихотворная отповедь Павла Кислого, академика НАН Украины. Кислый перечислял все исторические обиды, нанесенные Россией Украине, а о Бродском писал: «Ти був заангажований, смердючий цап, / Не вартий нігтя Тараса» («Ты был завербованный вонючий козел, / Не стоящий ногтя Тараса [Шевченко]»). Но в Украине высказывались и другие мнения. «Конечно, мы можем воспринять брань поэта как оскорбление, но именно она является очевидным выразителем равнодушия автора. Автор прибегает к архаической традиции заговоров, связанных с украинским фольклором. Именно из фольклора и произведений Шевченко Бродский берет сокрушительную лексику, интонацию бесшабашной анафемы. [...] К кому обращается поэт? Бесспорно, к власти и ее носителям, носителям упадка и раздора. Да, он отождествляет себя с „кацапами“, откровенно осуждает „семьдесят лет“ жизни в империи. Но те, кого он осуждает, не являются ни „ляхами“, ни „Гансами“, ни „украинцами“. Это – силы раздора и вражды, силы, мистически раскованные Чернобылем, самым важным событием катастрофического излома истории. [...] В конце замечу, что И. Бродский, читатель и знаток Григория Сковороды – поэта, которого он ставит на одну ступень с Джоном Донном и Гавриилом Державиным, разделяет главную мысль мудреца: „загляни в себя“. Этот живой призыв воссоздает в учениках Сковороды модель самопознания и погружения в „духовные пещеры“. Это – основание настоящего Памятника – Чистого Логоса, который возводит Гораций, Державин и Пушкин. Он противопоставит действительно профанному миру. Именно он является ориентиром современности, светом во тьме, призывом к жизни. Единство и противоположность „стихотворения Александра“ приравнивается к Логосу, а „брехня Тараса“ – действительно, воинствующему творческому Слову поэта-пророка» (Кравец 2001).

«Гиперборей – Боря».

Если в чем Бродский и подражает Горацию, так это в том, что развивает старинную уже для Горация метафору «корабль государства»⁵⁵⁰ в зримых, конкретных образах. Сила стихотворения в том, что при краткости, «стремительности» строк и неоднократных анафорах-повторах его содержание не ограничивается призывами к рискованному полету по волнам, но краткие энергичные строки дают возможность рассмотреть и расслышать происходящее. Менее чем двадцатью словами Бродский может заставить нас увидеть удивительно много:

Трещит обшивка по швам на ребрах.
Кормщик болтает о хищных рыбах.
Пища даже у самых храбрых
вываливается изо рта.

Но полет кораблика только поспекает за полетом воображения поэта. В неполных семи строчках, переходящих из пятой строфы в шестую, очерчена целая вставная новелла:

Так открывают остров,
где после белеют кресты матросов,
где век спустя,

письма, обвязанные тесемкой,
вам продает, изумляя синькой
взора, прижитое с туземкой
ласковое дитя.

«Визг республик» в начале «Подражания Горацию» напоминает о пьесе «Демократия!» и стихотворении «На независимость Украины», но по существу энтузиазм «Подражания» контрастирует с горечью украинского стихотворения и с холодным сарказмом пьесы. Привести эти три вещи к общему знаменателю политических суждений Бродского трудно. Бродский переживал текущую историю и раз навсегда составленным суждением от нее не отгораживался. События его волновали и увлекали. Он мог подолгу разговаривать с друзьями о политике и старался не пропускать вечерних теленовостей. Радовался возвращению имени Петербурга своему родному городу, возмущался безобразиями в Чечне. В дни московских событий октября 1993 года прислал мне из Италии открытку с двустилием:

Мы дожили. Мы наблюдаем шашни
броневика и телебашни.